

РОЛЬ ИСТОРИЧЕСКИХ АНАЛОГИЙ В ПРОЦЕССЕ ПРИНЯТИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ В США, 1945–2024

Н.А. Цветкова

Изучение использования исторических аналогий президентами США в ходе принятия внешнеполитических решений привело исследователей к выводу, что обращение к истории позволяло американским лидерам упростить проблемную ситуацию и справиться со стрессом, а также служило риторическим приемом для воздействия на общественное мнение. Наш анализ корректирует этот взгляд и демонстрирует, что американские президенты в момент разработки деталей проведения операций за рубежом чаще прибегали к аналогиям, представляющим инструментальную ценность для решения актуальных задач. В статье представлены примеры использования исторических аналогий президентами США Д. Эйзенхауэром, Л. Джонсоном, Дж. Картером, Дж. Бушем-ст., Б. Клинтон, Б. Обамой, Д. Трампом и Дж. Байденом. Проведенное исследование позволяет предложить новую *концепцию инструментальных исторических аналогий*: президент и его советники в ходе принятия внешнеполитических решений анализируют отдельные эпизоды и детали исторического опыта для выявления инструментов, способствующих успешной реализации намечаемых военных операций и разрешению кризисных ситуаций. Анализ документов заседаний СНБ и других ведомств показывает, что исторические аналогии как риторический прием используются, в основном, для убеждения лидеров других стран поддержать принятое решение; использование исторической риторики на публике свидетельствует о том, что стратегические и тактические решения уже приняты президентом и он доводит информацию до общественности. Концепция инструментальных исторических аналогий представляет новый взгляд, который дополняет существующую историографию внешней политики США.

Ключевые слова: США, внешняя политика, принятие решений, исторические аналогии

Research on how the U.S. Presidents use historical analogies in foreign policy decision-making reveals that analogical reasoning allows for the reduction of information under condition of high stress and serves as rhetoric for influencing public opinion. Our findings show that Presidents and their advisors

---

Цветкова Наталья Александровна – Ph.D. (Groningen University, Netherlands), доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой американских исследований. ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет».

more frequently employ so-called instrumental analogies during the detailed planning of overseas operations. This article presents examples of historical analogy picked by the U.S. Presidents such as Dwight Eisenhower, Lyndon Johnson, Jimmy Carter, George H.W. Bush, Bill Clinton, Barack Obama, Donald Trump, Joe Biden. The research introduces a new concept called *instrumental historical analogies* that describes the process wherein the President and his advisors refer to specific episodes and details of past experiences to identify leverage points and to facilitate the effective implementation of planned military operations or the resolution of crisis situations. An analysis of the documents of the meetings of the National Security Council and other departments shows that historical analogies as rhetoric are used to persuade leaders of other countries to support decisions that have already been made. The historical rhetoric in public statements indicates that strategic and tactical decisions have been made by the President, who is communicating these to the public. This concept of *instrumental historical analogies* offers a new perspective in the historiography of the U.S. foreign policy.

Key words: the U.S., foreign policy, decision-making, historical analogies

DOI: 10.32608/1010-5557-2024-2024-57-80

Исторические аналогии в процессе принятия внешнеполитических решений давно стали предметом изучения историками, политологами и специалистами по политической психологии, которые рассматривают роль лидера страны в формировании деятельности государства на международной арене. Ученые утверждают, что обращение президента к истории обусловлено необходимостью оправдать принятое решение, получить опору и поддержку и т.п.¹ Стало почти аксиомой, что исторические аналогии позволяют лидерам обосновать свои решения, обращаясь к прошлому как к источнику уроков и прецедентов. Якобы обращение к истории действует как механизм психологической защиты, позволяя президентам быть уверенными в своих действиях перед самими собой и международным сообществом.

Анализ исторических документов позволяет нам несколько скорректировать эти тезисы. Нельзя сводить исторические аналогии к психологической защите президента, который, находясь в состоянии стресса, стремится использовать прошлый опыт для упрощения ситуации. Гораздо чаще президенты используют исторические ана-

---

¹ Подробнее см.: *Егорова Е.В.* США в международных кризисах (политико-психологические аспекты). М., 1988; *Jervis R.* How Statesmen Think: The Psychology of International Politics. Princeton (N.J.), 2017.

логии как способ найти подходящие приемы и методы разрешения кризисной ситуации в настоящем, анализируя детали и отдельные эпизоды из прошлого. Если аналогии используются в обсуждениях кризиса за закрытыми дверями, это указывает на стадию детального планирования операции. Если исторические аналогии появляются в публичном пространстве, это свидетельствует о том, что президент и его окружение уже приняли окончательное решение и стремятся мобилизовать общественное мнение и обеспечить поддержку лидеров других стран.

Президент и его советники обращаются к истории, чтобы отыскать подходящие (аналогичные) военные или дипломатические методы в прошлом для решения задач в настоящем. Такие аналогии мы называем *инструментальными*. Они относятся не к масштабным и абстрактным событиям внешней политики США, а к конкретным эпизодам прошлых кризисов или войн, которые используются Белым домом в новом процессе принятия решений. Целесообразно оперировать *концепцией инструментальных исторических аналогий*, которая описывает процесс, в ходе которого президент и его советники анализируют отдельные детали исторического опыта для выявления инструментов, способствующих успешной реализации намеченных военных операций и разрешению кризисных ситуаций. Наличие инструментальных исторических аналогий в документах или риторике президента является индикатором, что общая стратегия принята и президент разрабатывает тактические шаги для достижения цели. Эта концепция представляет новый взгляд, который дополняет существующую историографию внешней политики США.

Цель данной статьи – выявить роль исторических аналогий во внешней политике США за период 1945–2024 гг. Исследование опирается на исторический подход, включая методы сравнительного анализа и анализа документальных источников. Внешнеполитические документы доступны в президентских библиотеках и федеральном архиве США, а некоторые из них опубликованы.

Статья состоит из двух разделов. В первом разделе рассматриваются основные положения предшествующей историографии, касающиеся использования президентами США исторических аналогий во внешней политике. Во втором разделе представлены результаты исследовательской работы о различных администрациях США, приведены примеры того, как президенты и советники отбирают отдельные эпизоды, относящиеся к прошлым военным операциям или кризисам, для решения текущих внешнеполитических задач в период 1945–2024 гг.

На основании анализа исторических документов в заключении представлены выводы, что прошлое является для президентов США,

и в большей мере для их советников, источником получения информации о методах и инструментах для использования во внешней политике, а не только опорой и защитой для оправдания решений.

Научные подходы к изучению исторических аналогий в принятии внешнеполитических решений США

Предшествующие исследователи приходят к выводу, что в условиях ограниченного времени и потока информации исторические аналогии служат инструментом, который позволяет сократить объем необходимого анализа и облегчить процесс принятия решений, предоставляя уже готовые рамки для размышлений. Использование исторических аналогий направлено на укрепление согласия и поддержки среди населения и ближайшего окружения. Ссылаясь на исторические события, лидеры убеждают общественность в правильности своих действий, прибегая к ценностям и представлениям о прошлых событиях. Аналогии также помогают обосновывать каждый шаг в рамках широкой стратегии, позволяя отложить принятие более кардинальных и рискованных решений. Обращение к работам известных политологов и историков дает дополнительное обоснование для внешнеполитических решений. Исторические аналогии, подкрепленные научными теориями и авторитетами, придают решениям дополнительный вес и убедительность. Наконец, исторические аналогии служат инструментом для сопоставления принимаемых решений с личной системой ценностей лидера. Это позволяет президентам убедиться в том, что их действия соответствуют как ожиданиям, так и их собственным убеждениям и принципам².

Ученые настаивают на том, что президенты, которые используют историю в качестве средства для обдумывания решений, пытаются сравнить и найти доказательства совпадения текущей ситуации с эпизодами внешней политики из прошлого, причем, как правило, для убеждения себя и других в необходимости действий. Прошлые кризисные ситуации выступают отправной точкой для текущего момента, что позволяет аргументированно доказывать необходимость определенных внешнеполитических действий. Такой подход используется для укрепления доверия общественности и политического окружения к принимаемым решениям, демонстрируя, что предложенные действия не только имеют исторический прецедент, но и ранее

---

² *Mintz A., DeRouen K. Understanding Foreign Policy Decision Making. Cambridge (UK), 2010; Hermann Ch. When Things Go Wrong: Foreign Policy Decision Making under Adverse Feedback. New York, 2012; Houghton D. Political Psychology: Situations, Individuals, and Cases. New York, 2014; etc.*

приводили к успешным результатам. Президенты также анализируют прошлые ошибки или неудачные решения для обоснования необходимости принятия противоположных или корректирующих мер в текущих условиях. Осознание прошлых ошибок и их последствий позволяет лидерам формировать новую стратегию, основанную на предотвращении повторения подобных ошибок. Этот метод показывает общественности и политическим субъектам, что принимаемые решения основаны на стремлении к избежанию прошлых неудач³.

В науке о принятии решений стало аксиомой, что индивидуальное восприятие международной обстановки оказывает влияние на реакцию президента на конфликт. Индивидуальное восприятие мира обусловлено прошлым опытом, не может быть предсказано и даже рационально объяснено. Многие исследователи делают вывод, что в научной реконструкции принятия решений по внешней политике не может использоваться теория рационального выбора. Познавательные функции президента описываются в науке тем, как он воспринимает информацию о происходящем и формирует свой ответ. Важным фактором является ситуация принятия решения на основе неполной информации, что создает условия для использования аналогий. Президенты замечают отсутствие экспертизы историческими аналогиями, что сказывается на окончательном решении⁴.

Однако научные исследования концентрируются на особенностях восприятия реальности президентами, оставляя окружение президентов или советников за рамками анализа. Здесь кроется ограниченность методологического подхода. Многие документы свидетельствуют о том, что советники президентов США часто использовали исторические аналогии как для убеждения своих коллег, так и самого президента.

Кризисы в системе международных отношений часто ставят перед лидерами задачу принятия решений в условиях высокого стресса и ограниченного времени. Эти условия способствуют активизации поиска исторических аналогий как средства для облегчения процесса

---

³ Беклямишев В. О. К вопросу об изучении исторических аналогий в политическом дискурсе: описание проблемного поля // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2021. № 6. С. 92–106.

⁴ Breuning M. The Role of Analogies and Abstract Reasoning in Decision-Making: Evidence from the Debate over Truman's Proposal for Development Assistance // International Study Quarterly. 2003. Vol. 47. No. 2. P. 229–245; Hehir A. The Impact of Analogical Reasoning on US Foreign Policy Towards Kosovo // Journal of Peace Research. 2006. Vol. 43. No. 1. P. 85–102; Neustadt R., May E. Thinking in Time: The Uses of History for Decision-Makers. New York, 1986; Khong Y. Analogies at War: Korea, Munich, Dien Bien Phu, and the Vietnam Decisions of 1965. Princeton (N.J.), 1992; Garrison J. Framing Foreign Policy Alternatives in the Inner Circle: President Carter, His Advisors, and the Struggle for the Arms Control Agenda // Political Psychology. 2001. Vol. 22. No. 4. P. 775–802.

принятия политических решений. Стресс влияет на когнитивные процессы, в частности, на способность к аналитическому мышлению, критической оценке ситуации и поиску творческих решений. В таких условиях президент стремится к упрощению задачи, опираясь на уже известные и проверенные шаблоны. Именно здесь в игру вступают исторические аналогии: они предлагают готовую модель для понимания текущей ситуации, опираясь на прошлый опыт. Аналогии уменьшают когнитивную нагрузку и создают иллюзию, что процесс принятия решений управляем и находится в руках президента⁵. Когда время на принятие решений ограничено, лидеры не имеют возможности провести всесторонний анализ ситуации, взвесить все за и против различных вариантов действий. В таких условиях они опираются на исторические аналогии как на способ быстро оценить ситуацию и предположить возможные последствия тех или иных решений. Исторические аналогии позволяют политическим деятелям использовать прошлый опыт для прогнозирования последствий и, таким образом, ускорить процесс принятия решений. Аналогии подсознательно используются как «короткий маршрут» для обработки и запоминания обширного объема информации, что позволяет президентам определить характер ситуации, оценить интересы и предложить решения. Аналогии помогают оценить альтернативные варианты действий, показывая шансы на успех и предупреждая о опасностях.

В итоге предшествующие исследования показывают, что аналогии выступают как средство обоснования решения, а также как способ справиться с психологическим давлением и стрессом, связанным с весом принимаемых решений.

Однако использование исторических аналогий несет в себе риски. Прошлые события могут быть неправильно интерпретированы или применены к совершенно новой ситуации, что приводит к неадекватным решениям. Чрезмерная зависимость от аналогий ограничивает способность к инновациям и поиску нетрадиционных решений, что особенно важно в условиях непредсказуемых кризисов. Политические деятели не способны отделить от прошлых событий те эпизоды, которые зависят от временного контекста. Они ошибочно принимают отдельные аспекты прошлого опыта за более общие характеристики, что приводит к «явлению настойчивости», при котором, несмотря на очевидные недостатки, лицо, предложившее аналогию, продолжает поддерживать ее релевантность. Например, аналогии, используемые Р. Холбруком и М. Олбрайт в отношении С. Милошевича в 1995–1996 гг., создали условия, при которых стало

---

⁵ *Khong Y.* Op. cit.

невозможно мирное урегулирование кризиса, и ни одна из альтернатив не предусматривала избегание военной операции⁶.

Верификация указанных положений накопленных научных знаний вряд ли возможна полностью. Многие положения политической психологии о влиянии мировоззрения личности или прошлой жизни президентов на принимаемые решения являются, несомненно, только гипотетическими, а порой уведогают исследователей внешней политики США в пучину презентизма⁷. Однако в рамках исторического анализа вполне возможно проследить, на каких этапах принятия внешнеполитических решений президенты США и их советники использовали аналогии, а также какие исторические эпизоды прошлого имели значение для Белого дома. На сегодняшний момент многие документы о деятельности администраций США начиная с Г. Трумэна доступны исследователям и находятся либо в открытом доступе, либо как часть архивов президентских библиотек, что позволяет оценить место и роль исторических аналогий во внешней политике США.

Инструментальные аналогии из прошлого: как президенты и их советники выбирают исторические эпизоды для решения текущих внешнеполитических задач, 1945–2024

Рассматривая примеры того, как президенты использовали исторические аналогии, необходимо обратить внимание на то, что современный порядок (структурные элементы и процедуры) процесса принятия решений был сформирован во время администрации Д. Эйзенхауэра. Именно этот президент повысил статус исполнительного секретаря Совета национальной безопасности (СНБ), который отвечал за подготовку протоколов, до уровня советника по национальной безопасности. Это существенное изменение сделало возможным расширение дискуссий и, как следствие, развитие системы экспертизы, протоколирование нескольких альтернатив и увеличение числа документов, в которых президент или его советники прибегали к использованию исторических аналогий.

Первым таким примером выступают обсуждения в администрации Д. Эйзенхауэра проблемы Вьетнама и возможной интервенции США в 1954 г. Как известно, президент не решился на переброску

---

⁶ *Hehir A.* The Impact of Analogical Reasoning on US Foreign Policy Towards Kosovo // *Journal of Peace Research* 2006. Vol. 43. No. 1. P. 67–81.

⁷ *Согерин В.В.* Что и как изучать в истории США // *Американский ежегодник* 2023. М., 2023. С. 11–23.

войск для помощи французской армии. Исторические аналогии с Корейской войной наводили президента на мысль, что нет необходимости помогать французам. Однако, когда команда президента перешла к детальному рассмотрению проблем Франции во Вьетнаме и расстановки сил в регионе, президент начал колебаться. При обсуждении возможных вариантов действий других государств советники и сам Эйзенхауэр вспомнили провал политики США в отношении Китая, который привел к победе коммунистов. Дискуссия развернулась в сторону необходимости более активных действий США в Азиатско-Тихоокеанском регионе без повторения прошлых ошибок. Президент увидел параллель между уходом Франции из Вьетнама и сдачей Китая коммунистам, когда США могли бы использовать возможность для вмешательства в дела региона, но этого не сделали⁸. Использование подобных аналогий привело к тому, что советники Эйзенхауэра приступили к анализу возможностей по созданию вьетнамских партизанских сил, и президент выразил одобрение этой идеи, указав на значительную роль, которую сыграли русские партизаны в победе над немцами во Второй мировой войне⁹.

Тем не менее опасение перед возможностью того, что США могут быть втянуты в полномасштабную войну в регионе, которую сам президент оценивал как величайшую трагедию для Америки, оказало серьезное влияние на Д. Эйзенхауэра. Он высказал мнение, что такая война вызовет негативные последствия, как в части утраты жизней и ресурсов, так и в части геополитической и международной дипломатии. На этой стадии обсуждения политики США президент признал необходимость компромисса, чтобы не вступать в войну, и раздел Вьетнама был признан как единственное удовлетворяющее решение. Все чаще стала использоваться аналогия с Германией как недавний опыт договоренностей с Москвой. Именно сравнение между разделом Германии и Вьетнама попало в официальную риторику президента. Германия упоминалась в ответах на пресс-конференции. Никакие другие примеры, включая Корею, президент не использовал. Он заявлял, что «точно такая (ситуация. — *Н.Ц.*), как существует в Германии, по-видимому, теперь будет существовать в части Индокитая»¹⁰. Об аналогии с Корейской войной президент молчал.

Документы свидетельствуют о том, что исторические аналогии, используемые в публичной риторике, появились на более поздней

---

⁸ Memorandum of Discussion at the 180th Meeting of the National Security Council. January 14, 1954 // Foreign Relations of the United States (далее: FRUS). Vol. XIII (<https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1952-54v13p1/d505>).

⁹ Ibidem.

¹⁰ The President's News Conference. July 21, 1954 // Public Papers of the Presidents of the United States: Dwight D. Eisenhower, 1954–1957. Washington (D.C.), 1955. P. 168.

стадии обсуждения решений, когда президент уже принял решение. Внутри группы советников применялись инструментальные аналогии, касающиеся действий США или поведения других государств в прошлом. Шаблоны поведения Китая или модель раздела Вьетнама по германскому сценарию основывались на исторических аналогиях. Такой подход к использованию прошлого несет в себе риск, отмечаемый многими учеными: исторические аналогии создают упрощенные модели поведения других стран и формируют матрицу решения кризиса, и дальнейшие шаги во внешней политике США будут строиться на этой основе.

Корея и Вьетнам долго будут преследовать Белый дом, формируя мнения и решения президентов США. В этой связи крайне показательным примером остается администрация Л. Джонсона, которая, как показывают документы, очень часто прибегала к историческим аналогиям. На начальной стадии принятия решения о военной операции в Южном Вьетнаме в команде Л. Джонсона фигурировал опыт Корейской войны. Сначала Корея использовалась как негативный опыт. В апреле 1964 г. госсекретарь США Д. Раск в официальной беседе с южновьетнамскими партнерами утверждал, что «Соединенные Штаты никогда не будут втянуты в еще одну Корею с большими наземными силами, поскольку расширение войны может означать высокий уровень военных действий, и нам придется рассмотреть использование ядерного оружия»¹¹.

В 1965 г. опыт Кореи стал использоваться не как аналогия для дипломатии или демократизации Вьетнама, а как инструментальная аналогия для ведения наземных операций, когда военные начали планировать атаки на территории южной и северной частей Вьетнама. Тексты меморандумов полны деталей о различиях в географических позициях воюющих сторон¹². Причем конкретные детали из прошлого были не в пользу проведения военной операции. Многие советники, участвовавшие в принятии решения администрации Г. Трумэна по Корейской войне, говорили Л. Джонсону, что значительное увеличение американских наземных войск может привести к затяжной войне без надежды на окончательную победу¹³.

---

¹¹ Rusk Dean. Memorandum of a Conversation between Secretary of State Rusk and Prime Minister Khanh. April 18, 1964 // FRUS, 1964–1968. Vol. I. Vietnam, 1964 (<https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v01/d118>).

¹² Summary Notes of the 559th Meeting of the National Security Council // The Lyndon Johnson Presidential Library. Box 1. Meeting Notes Files. Folder: National Security Council Meetings.

¹³ Letter from Clark M. Clifford to President Johnson. May 17, 1965 // The Lyndon Johnson Presidential Library. Box 1. Meeting Notes Files. Folder: National Security Files.

Опыт Корейской войны детально рассматривался на многих заседаниях СНБ с привлечением бывших генералов и политиков, которые участвовали в событиях начала 1950-х гг. Весной 1965 г. Л. Джонсон пригласил на заседание СНБ бывшего президента Д. Эйзенхауэра. Действующий президент задавал последнему много вопросов о том, как развивались события в Корее в период администрации Трумэна и самого Эйзенхауэра. Бывший президент рекомендовал команде Л. Джонсона преодолеть стратегические ошибки, которые сделал Трумэн во время планирования и принятия решения по Корейской войне. Он заявил, что было ошибкой заявление Белого дома о том, что Корея лежит за пределами оборонительного периметра. После этого заявления коммунисты вторглись на территорию Южной Кореи. Эйзенхауэр также рекомендовал Л. Джонсону повысить значение Вьетнама в национальной безопасности США, использовать наземные войска и избегать повторения ошибок, совершенных во время Корейской войны. Он заявил, что Трумэн сначала пытался ответить на атаку, используя только военно-морские и воздушные силы, но этого было недостаточно. Поэтому Джонсону необходимо использовать все виды вооруженных сил для сохранения контроля над всей Юго-Восточной Азией. В этом разговоре Л. Джонсон выразил беспокойство относительно того, развивается ли война во Вьетнаме по тому же сценарию, что и война в Корее. Президент выразил надежду, что во Вьетнаме ситуация может развиваться без использования большого количества наземных войск с учетом того, что США сумеют остановить активное участие Китая. Снова всплыли исторические аналогии о поведении Китая во время Корейской войны, и здесь бывший президент рекомендовал Джонсону действовать так, как действовал сам Эйзенхауэр, когда США передали китайцам сообщение, что им целесообразно согласиться на перемирие быстро, иначе война придет на материковый Китай. Поэтому Эйзенхауэр советовал Джонсону лучше донести до Китая, что США готовы действовать до конца, но необходимо постепенно улучшать отношения с Пекином¹⁴. Что и было сделано.

Весной и летом 1965 г. команда президента стала признавать необходимость потерь американских жизней во Вьетнаме и использовать риторику жертвоприношения в разговорах и на публике. В письме к сенаторам, подготовленном советником президента по национальной безопасности М. Банди, президент использует историческую аналогию с Кореей для обоснования американских потерь в Юго-

---

¹⁴ Memorandum of a Meeting with President Johnson. February 17, 1965 // The Lyndon Johnson Presidential Library. Box 1. Meeting Notes Files. Folder: Meeting with General Eisenhower and Others.

Восточной Азии. Автор указывает на то, что в прошлом Соединенные Штаты принесли значительные жертвы в Корею, и они полностью оправданы. Президент пишет, что США способны выполнять свои обязательства по всему миру, и уровень жертв в Юго-Восточной Азии сопоставим или будет менее значителен, чем в прошлом опыте Корейской войны. Данные сравнения используются, чтобы аргументировать продолжение активных военных действий в регионе:

«Мы смогли выполнять наши обязательства по всему миру на протяжении четверти века. Хотя каждая американская жертва приносит президенту личную скорбь, мы не можем сказать, что текущий уровень американских потерь на Юго-Востоке Азии является неоправданно тяжелым. Мы понесли больше потерь в Корею — и это было полностью обосновано — и, тем не менее, ставки там определенно не были больше, чем те, которые сейчас “сделаны за столом” на Юго-Востоке Азии»¹⁵.

На фоне затяжной войны команда президента стала искать способы перехода к переговорам с противниками, подобно тому, как это было сделано в Южной Корее, не прекращая при этом применение военной силы. В одной из рекомендаций для президента отмечалось, что в войнах на Дальнем Востоке «мы осуществляли бомбардировки Японии, включая поджог городов. В Корейской войне мы бомбили все, что только могли видеть, и многое, что не могли видеть. Однако никто не может точно сказать, <...> что систематический подход к применению силы заставит Ханой принять наши переговоры. Очевидно, что мы должны продолжать удерживать их на юге и добиваться высокой цены (с их стороны. — *Н.Ц.*)»¹⁶.

В 1966 г. рациональность в поиске решения начала уступать «проклятию» системы *groupthink*. Президент не хотел показаться слабым перед СССР и КНР, требовал переговоров на условиях США и увеличения масштаба военного давления. Он спрашивал советников: «Какой сигнал мы отправляем врагу, если возобновим бомбардировки? Если мы не возобновим бомбардировки, будут ли они (СССР и Китай. — *Н.Ц.*) считать, что мы слабы дома и вынуждены отступить?». На что советники, подстраиваясь под предпочтения прези-

---

¹⁵ *Bundy McGeorge*. Letter from the President's Special Assistant for National Security Affairs to Senator Mike Mansfield, February 9, 1965 // The Lyndon Johnson Presidential Library. Box 2. Memos to the President. Folder: National Security Files.

¹⁶ *Rostow Wolt*. Memorandum from the Chairman of the Policy Planning Council and Counselor of the Department of State to President Johnson. December 23, 1965 // FRUS, 1964–1968. Vol. III. Vietnam, June–December 1965 (<https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v03/d243>).

дента о победах и переговорах, ответили, что необходимо продолжать военные действия, поскольку «учитывая, что на переговоры в Корею ушло более двух лет, мы не будем втягиваться в такое же мучительное и неудовлетворительное упражнение»¹⁷. Министр обороны прибавил, что «в этом месяце мы сбросим в два раза больше бомб, чем в пиковые месяцы в Корею. Мы продолжим это дальше». И его поддержал госсекретарь Д. Раск, заявив, что «мы сидели за столом во время Корейской войны. Я был с Макартуром, когда он ошибся относительно вмешательства Китая. Но благодаря тому, что мы двигались медленно, мы смогли сделать многое. Если мы не возобновим бомбардировки, Китай может подумать, что утверждена зона безопасности, и они смогут действовать более активно». Генерал Тейлор поддержал других, сказав, что «я подтверждаю замечания госсекретаря о Корейской войне. Бомбардировки оказывают влияние на количество войск, которые противник может использовать на передовой линии». Банди также присоединился, сказав президенту: «Я считаю, что мы должны возобновить бомбардировки»¹⁸.

В той структуре принятия решений, которая сложилась в администрации Л. Джонсона, не могли звучать альтернативные мнения или иная экспертиза. Принятие решений в малых и замкнутых группах создавало питательную почву для поиска «утешения» в истории. Когда бомбардировки не привели к желаемому результату, президент снова обратился за поддержкой к тем, кто принимал решения или участвовал в Корейской войне. Бывший госсекретарь США Д. Ачесон, который оказался неформальным советником президента и уже редко покидал Белый дом, а также Джордж Кеннан и Джордж Маршалл собрались в Овальном кабинете, чтобы поддержать президента и поделиться прошлым опытом по Корейской войне. Они рекомендовали президенту садиться за стол переговоров только после достижения военных успехов: «<...> мы должны понимать, что у нас не будет переговоров. Бомбардировка не оказывает влияния на переговоры. Когда эти ребята поймут, что они не могут победить на Юге, тогда они сдадутся. Так было в Корею». Бывшие политики рекомендовали президенту не сдаваться, снова делая отдельные отсылки к Корейской войне: «<...> мы определенно не должны выходить из Вьетнама. После того, как генерал Макартур потерпел

---

¹⁷ *Taylor Maxwell*. Memorandum from the President's Special Consultant to President Johnson. July 11, 1966 // FRUS, 1964–1968. Vol. IV. Vietnam, 1966 (<https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v04/d177>).

¹⁸ Notes of Meeting. January 22, 1966 // The Lyndon Johnson Presidential Library. Box 1. Meeting Notes Files. Folder: Meetings with Foreign Policy Advisors on Resumption of Bombing. Также см.: FRUS, 1964–1968. Vol. IV. Vietnam, 1966 (<https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v04/d35>).

поражение у Ялу в Корейской войне, тоже считали, что надо выходить (из Кореи. — *Н.Ц.*). Проблема в том, что если мы приведем их к переговорному столу, они сделают то же самое, что и в Корейской войне, потребовав, чтобы мы вышли, прежде чем приступить к другим вопросам переговоров».

Судя по тексту, президент был явно угнетен ситуацией во Вьетнаме до такой степени, что приглашенные политики и близкие советники президента стали его убеждать в том, что не все войны бывают популярными, что только участие США во Второй мировой войне оценивается полностью положительно американцами, что президенту необходимо проявить терпение: «<...> но мы должны продолжать, поскольку то, что мы делаем, правильно. Мы не будем терять терпение»¹⁹. Окружение президента использовало аналогию с Корейской войной уже не для планирования, а для поддержки президента и аргументации в пользу продолжения войны. Советники утверждали, что, хотя бомбардировки не оказывают влияния на переговоры, победа в войне наступит, когда противник признает, что не может одержать победу на юге Вьетнама, как это было в случае с Кореей.

Данный пример показывает, что на разных этапах процесса принятия решений всплывали отдельные эпизоды прошлого исторического опыта. В начальной стадии планирования Л. Джонсон опирался на идеи о тактике в отношении Китая, затем обсуждались вопросы использования бомбардировок, и, наконец, исторические аналогии применялись для убеждения президента в необходимости продолжения войны. В большинстве случаев аналогии касались конкретных инструментальных шагов, которые использовались для постановки «диагноза» военных и дипломатических шагов, а также для эмоциональной поддержки действий президента. Структура и процедура принятия решений были настроены таким образом, что другие варианты действия, не соответствующие общему мнению окружения президента, не рассматривались. Широкие исторические аналогии были включены в публичные выступления президента, когда он аргументировал необходимость военной операции и жертв, понесенных американской армией. В ходе секретных заседаний СНБ исторические аналогии использовались более целенаправленно, выбирались эпизоды из прошлого в зависимости от обстановки в Белом доме и ситуации на поле боя. Такой селективный подход сформировал определенный шаблон восприятия ситуации и ограничивал другие действия. Например, возможность дипломатических переговоров

---

¹⁹ Memorandum from the President's Assistant (Jones) to President Johnson. November 2, 1967 // FRUS, 1964–1968. Vol. V. Vietnam, 1967 (<https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v05/d377>).

рассматривалась лишь после воздушных операций, как это было в случае с Кореей.

Пример Л. Джонсона подчеркивает риск использования аналогий с прошлым при принятии внешнеполитических решений. Исторические аналогии формируют шаблон реагирования на текущую ситуацию и отвлекают команду президента от формулирования оригинальных решений без учета прошлого опыта, в котором использовались инструменты в другом контексте, и они уже не подходят для настоящего. Президент или его команда выбирали отдельные детали, не учитывая контекст прошлого опыта или причины действий в прошлом, которые зависели от множества других факторов, что делает историческую аналогию неподходящей к новой ситуации. Но ни президент, ни советники не обратили на это внимание.

Несмотря на то, что документы позволяют рассматривать пример принятия решений Л. Джонсона с разных сторон и каждый раз находить новые грани, самым обсуждаемым примером использования исторических аналогий является работа администрации Дж. Картера по спасению американских заложников из Ирана²⁰. Напомним, что в ноябре 1979 г. произошел захват служащих посольства США. Советники президента рассматривали десяток альтернатив, включая переговоры, санкции, спасение заложников при помощи специальных сил, спасение заложников посредством масштабной военной операции, захват «политической ценности» для Ирана и использование в качестве торга, бомбардировки по Ирану, авиационный удар по столице и блокаду иранских портов. В апреле 1980 г., спустя пять месяцев с момента начала кризиса, было принято решение о том, что США начнут специальную военную операцию по спасению заложников, которая оказалась провальной. Джимми Картер принял самый рискованный вариант. Многие авторы объясняют принятие рискованного и вместе с тем дефективного решения эмоциональным фоном и стрессом, который обрушился на президента, его стремлением показать эффективность администрации во время избирательной кампании. Более того, многие специалисты говорят, что на Картера давила операция Израиля по спасению своих заложников в Энтеббе в 1976 г., рискованность и успешность которой еще никто не сумел повторить²¹.

Однако, о чем говорят документы? Анализ показывает, что исторические аналогии являлись средством для поиска инструментов дав-

---

²⁰ Breuning M. Re-Constructing Development Assistance: Analogies, Ideas, and Norms at the Dawn of the New Millennium // *Psychology and Constructivism in International Relations: An Ideational Alliance* / Ed. by V.P. Shannon, P.A. Kowert. Ann Arbor (Mich.), 2012. P. 119–149.

²¹ Houghton D. Op. cit.

ления на Иран. Команда президента подбирала инструменты проведения эффективной операции, включая военные, дипломатические и экономические, и именно поэтому обращалась к прошлому опыту.

Прежде всего Картер просил советников спланировать все детали и не повторять ошибок операции в заливе Свиней Дж.Ф. Кеннеди в 1961 г. В итоге, как оказалось, операция провалилась и у президента Картера. Президент быстро пришел к решению о необходимости специальной военной операции, но вопрос о масштабе стал пунктом для споров между советниками и президентом, в которых мелькали исторические аналогии. Его советник З. Бжезинский настаивал на масштабной военной операции, заявив, что «<...> мы должны избежать ошибки Кеннеди в заливе Свиней, когда ограниченная военная операция уменьшила шансы на успех». Однако президент возразил, указав, что «я склоняюсь – не начинать другие атаки. Нам нужна чистая операция. Мы не должны взрывать другие здания в Тегеране, и я сомневаюсь в том, чтобы брать пленников»²². В итоге победил альтернативный вариант – ограниченная военная операция. Внутренний круг президента Картера также обсуждал проведение секретных переговоров с иранским правительством. В этой связи советники и президент вспомнили историю Карибского кризиса 1962 г., когда именно секретные переговоры с Москвой содействовали разрешению кризиса²³. Однако президент отверг в итоге этот инструмент. Еще одна историческая аналогия также является инструментальной, и она использовалась советниками при обсуждении средств давления на иранское правительство через поддержку оппозиции внутри страны. Советники давали отсылки ко многим примерам такого подхода правительства США, который срабатывал в период холодной войны в странах Латинской Америки или Африки²⁴. В этом контексте команда искала возможные точки недовольства в Иране среди этнических групп. Один из меморандумов обращает внимание на долю азербайджанского населения в общей численности Ирана, его влияние в экономической и военной сферах, а также на роль отдельных лидеров оппозиции режиму Хомейни. Автор меморандума также подчеркивал историческую важность

---

²² Minutes of a National Security Council Meeting. Washington. April 15, 1980 // FRUS, 1977–1980. Vol. XI. Part 1. Iran: Hostage Crisis. November 1979 – September, 1980 (<https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v11p1/d254>).

²³ Handwritten Note from Director of Central Intelligence Turner to Secretary of State Vance. December 29, 1979 // Ibidem (<https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v11p1/d125>).

²⁴ Summary of Conclusion of a Special Coordination Committee Meeting. Washington. December 26, 1979 // Ibidem (<https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v11p1/d118>).

Азербайджана в прошлых революционных движениях и его активной политической культуре²⁵.

На основании имеющегося корпуса источников можно заключить, что президент Дж. Картер и его окружение использовали исторические аналогии в большей степени как средство для поиска решения, а не для эмоциональной поддержки, как это делала команда Л. Джонсона, когда приглашала свидетелей Корейской войны. Необходимость принятия быстрого решения откладывала общие разговоры об истории. Однако использовались только те аналогии, которые подходили под принятое решение. Картер быстро принял решение о военной операции, и все аналогии, связанные с дипломатией, попросту не обсуждались. А вот аналогии, связанные с военными операциями, оказались востребованными с точки зрения поиска наилучшей тактики.

В приведенных примерах об Д. Эйзенхауэре, Л. Джонсоне и Дж. Картере исторические аналогии являются ключевым элементом в реальном процессе принятия решений, применяемым скорее внутренне, чем в публичных высказываниях. Однако другие президенты демонстрировали иную стратегию, используя аналогии и сравнительные характеристики в качестве средства убеждения лидеров общественного мнения.

Президент Дж. Буш-ст., столкнувшись с атакой Ирака на Кувейт в августе 1990 г., воспользовался историческими аналогиями для обоснования своего решения о военном вмешательстве, операции «Буря в пустыне», в публичных высказываниях или в беседах с лидерами государств. Используя уроки Второй мировой войны, он подчеркивал опасности политики «умиротворения» агрессора, аналогично тому, как европейское сообщество пыталось «умиротворить» Гитлера.

Многие историки внешней политики пишут, что жизненный путь президента Дж. Буша-ст., который служил в ВВС в период Второй мировой войны, оказался фундаментом для появления в его риторике сравнений С. Хусейна с А. Гитлером, а также для избегания ситуации 1930-х гг., которая ассоциировалась с политикой «умиротворения». Буш-ст. якобы видел в аннексии Кувейта параллели с экспансией Германии, что укрепляло его убеждение в необходимости международного вмешательства для восстановления стабильности в регионе²⁶.

---

²⁵ Memorandum from Gary Sick of the National Security Council Staff to the President's Assistant for National Security Affairs (Brzezinski). December 21, 1979 // Ibidem (<https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v11p1/d111>).

²⁶ *Hybel A.* Bush Administrations and Saddam Hussein: Deciding on Conflict. Gordonsville (Va), 2006; *Holland L.* The U.S. Decision to Launch Operation Desert Storm: A Bureaucratic Politics Analysis // *Armed Forces & Society*. 1999. Vol. 25. No. 2. P. 219–242.

Внимательное изучение имеющихся протоколов заседаний СНБ и меморандумов советников, таких как госсекретаря Дж. Бейкера, советника по национальной безопасности Б. Скоукрофта, его заместителя Р. Гейтса, министра обороны Д. Чейни и главы Объединенного комитета начальников штабов К. Пауэла, раскрывает совершенно иной контекст. В этих текстах не обнаружено прямых сравнений или использования инструментальных аналогий для разрешения кризиса, как это было характерно для администраций Д. Эйзенхауэра, Л. Джонсона или Дж. Картера.

Во время заседания СНБ 2 августа 1990 г., которое состоялось сразу после получения информации о действиях С. Хусейна, члены администрации обсуждали текущую ситуацию и разрабатывали стратегию ответа на действия Ирака. Протокол документирует дипломатические, экономические и военные вопросы, поднятые на заседании, а также включает дискуссию о возможных действиях и оценку международной реакции. Документ отражает тревогу президента и его советников относительно потенциальных последствий в случае, если Ирак получит контроль над значительной частью мировых нефтяных ресурсов, и подчеркивает важность создания международной коалиции для оказания давления на Ирак²⁷. Никто из команды не сравнивает лидера Ирака с лидером нацистской Германии, и нет отсылок к событиям Второй мировой войны. Только во время последующего заседания СНБ 4 августа, когда решение об интервенции было принято, президент сказал, что «многие (в мире. — *Н.Ц.*) называют его Гитлером»²⁸. И во время третьего заседания СНБ 5 августа 1990 г., президент называет С. Хусейна иррациональным человеком²⁹. Контекст беседы, в которой президент стал использовать подобные эпитеты, был связан с основным страхом Дж. Буша-ст. — возможным захватом заложников посольства США или гражданских лиц, которые работали в Кувейте и Ираке. Буш-ст. опасался повторения в своей карьере политического фиаско Картера, который проиграл выборы из-за провала по освобождению заложников. Во время заседания госсекретарь высказал озабоченность по поводу возможных заложников, на что Буш-ст. резко отреагировал, сказав, что «разве я не слышал, что людям в наших посольствах угрожают? Может быть, нам следует вывести наших людей из Ирака? Саддам иррационален»³⁰. Понятно, что дополнительный кризис тревожил президента с точки

---

²⁷ Meeting of the NSC / Deputy Committee Meeting. August 2, 1990 // The George Bush Library. Record Group: Bush Presidential Records. Series: National Security Council. Box 1. Presidential Meeting Files.

²⁸ Meeting of the NSC. August 4, 1990 // Ibidem.

²⁹ Meeting of the NSC. August 5, 1990 // Ibidem.

³⁰ Ibidem.

зрения внутренней политической ситуации, что провоцировало использование сравнительных характеристик. Однако в документах не наблюдается активного использования исторических аналогий или изучения прошлого, как это было во времена предыдущих администраций США.

Исторические аналогии стали активно использоваться президентом в поисках поддержки у лидеров других стран. В телефонных разговорах были сделаны сравнения между Хусейном и Гитлером. Например, в ходе разговора с королем Саудовской Аравии Фахдом президент США описывал Саддама Хусейна как иррационального и агрессивного лидера, сравнивая его с Гитлером. Он говорит, что «Хусейн следует за Гитлером в создании мировых проблем с одним отличием — один был самовлюблен, а другой и самовлюблен, и сумасшедший. Я верю, что ничего не подействует на Саддама, кроме силы»³¹. Такое же сравнение появляется и в телефонном разговоре с премьер-министром Великобритании М. Тэтчер, причем Дж. Буш-ст. цитирует слова президента Турции Т. Озала, который назвал С. Хусейна «another Hitler» («еще одним Гитлером»). Президент Дж. Буш-ст. использовал эту цитату турецкого лидера, чтобы убедить М. Тэтчер в необходимости поддержки применения силы³². Наконец, исторические аналогии появились и во время беседы президента США с президентом Советского Союза М.С. Горбачевым, которая состоялась 9 сентября 1990 г. в Хельсинки. В ходе разговора Горбачев пытался как-то притормозить ковбойское рвение и злобу против С. Хусейна, сказав следующее: «если он (Хусейн. — *Н.Ц.*) ничего не получит, если он будет загнан в угол, это будет стоить нам всем дороже. Нам нужно дать ему немного света. Давайте создадим впечатление, что он не на коленях». На эту реплику президент США ответил, что «если бы мы предложили Гитлеру выход, увенчалось ли бы это успехом?». Но тогда М.С. Горбачев не согласился, завершив разговор фразой, что ситуации с Гитлером и Хусейном совершенно разные³³. Позже, на встрече в Париже, 19 ноября 1990 г. Дж. Буш-ст. снова повторит, что «мы имеем дело с жестким, непредсказуемым человеком. По степени жестокости он находится на одном уровне с Гитлером. Знаете,

---

³¹ Memorandum of Telephone Conversation. August 2, 1990 // The George Bush Library. Record Group: Bush Presidential Records. Series: National Security Council (<https://bush41library.tamu.edu/files/memcons-telcons/1990-08-02--Fahd.pdf>).

³² Memorandum of Conversation. Telephone Call to Prime Minister Thatcher of the United Kingdom. August 3, 1990 // Ibid. (<https://bush41library.tamu.edu/files/memcons-telcons/1990-08-03--Thatcher.pdf>).

³³ Memorandum of Conversation. The President's Meeting with President Gorbachev of the Soviet Union. September 9, 1990 // Ibid. ([https://bush41library.tamu.edu/files/memcons-telcons/1990-09-09--Gorbachev%20\[1\].pdf](https://bush41library.tamu.edu/files/memcons-telcons/1990-09-09--Gorbachev%20[1].pdf)).

я попал в неприятности за сравнение его с Гитлером. Но, глядя на это, даже Гитлер не блокировал иностранные посольства и не использовал людей в качестве живых щитов. И когда многие американские евреи сказали мне, что нельзя сравнивать Саддама с человеком, виновным в массовом уничтожении целой нации, я ответил, что сегодня они окружили американское посольство, завтра это может быть посольство кого-то другого, не говоря уже о заложниках, — здесь он не проявляет милосердия ни к одной стране»³⁴.

Исходя из нашего анализа, данная историческая аналогия чаще всего появлялась в беседах, в которых президент и его советники пытались убедить лидеров других стран в необходимости поддержки. Это — риторика, направленная на оказание давления. Анализ риторики президента Дж. Буша-ст. о С. Хусейне показывает, что сравнения с Гитлером и описания Хусейна как иррационального лидера служат как средство убеждения мирового сообщества в необходимости действий против Ирака. Может быть, эта риторика и отражает личное восприятие ситуации, основанное на историческом контексте и личном опыте президента Буша-ст. Можно только предположить, что для него как человека, пережившего Вторую мировую войну, использование подобной аналогии могло быть не только способом убедить других, но и личным способом интерпретации и понимания ситуации, исходя из уроков истории. Это позволило ему не только аргументировать необходимость силового решения и подкреплять свой взгляд ссылками на исторический опыт. Исторические аналогии могли выступать как каркас для оценки ситуации и как рычаг для мобилизации поддержки. Однако в беседах и дискуссиях с ближайшими советниками подобная аналогия всплывает крайне редко, в протоколах и меморандумах нет лишней риторики, обсуждения затрагивают только современные действия США против Ирака.

Многие специалисты в области изучения влияния исторических аналогий на принятие решений утверждают, что целесообразно разграничивать «когнитивный» и «политический» типы в использовании аналогий. В первом случае параллели с прошлым используются политиками для осмысления ситуации и выработки решений, а во втором случае — для убеждения третьих лиц в эффективности выбранного курса³⁵. Действительно, президенты Д. Эйзенхауэр, Л. Джонсон, Дж. Картер и другие использовали исторические аналогии как средство поиска подходов к решению ситуации, а вот президент Дж. Буш-ст. открыл новую страницу: исторические аналогии стали чаще «прода-

---

³⁴ Record of the Main Content of Conversation between Gorbachev and Bush, Paris. November 19, 1990 // National Security Archive (<https://nsarchive.gwu.edu/document/24326-bush-gorbachev-memcon-paris-november-19-1990>).

³⁵ Emotions, Politics and War / Ed. by L. Åhäll, T. Gregory. London, 2015.

ваться» публике, международному общественному мнению или другим лидерам, чтобы привлечь их на свою сторону. Таким образом будут поступать президент Б. Клинтон и его госсекретарь М. Олбрайт, которая сумела убедить многих лидеров и общественное мнение в других странах, что уступки С. Милошевичу – это повторение Мюнхена 1938 г.³⁶ Такими же громкими фразами будут оперировать последующие президенты, включая Б. Обаму, Д. Трампа и Дж. Байдена.

Президент Б. Обама прибегал к широким и абстрактным историческим аналогиям, не сосредотачиваясь на поиске конкретных инструментов, тактических шагов или методов, применяемых США в прошлых кризисах. Сегодня историки располагают обширным массивом заявлений и мемуаров самого президента. Принимая решение о введении дополнительного контингента вооруженных сил в Афганистан в 2009 г., президент Обама и его советники активно оперировали аналогиями с Вьетнамской войной. Однако они не искали отдельных подходящих эпизодов, как это делал, например, Л. Джонсон, опираясь на опыт Корейской войны. Они сконцентрировались на общих заявлениях и опасениях, таких как вопрос о том, как не повторить сценария Вьетнама в Афганистане. В своей книге о процессе принятия решений относительно Афганистана Б. Вудворд, опираясь на интервью со многими участниками событий, утверждает, что все заседания в ситуационной комнате проходили под влиянием воспоминаний и аналогий с войнами во Вьетнаме и Ираке³⁷. Круг ближайших советников Б. Обамы, известных как «чикагские друзья», включая Р. Эмануэля, Д. Макдональда, а также вице-президента Дж. Байдена, чаще других прибегали к опыту истории. Советники старались предостеречь президента от активной роли в Афганистане, опасаясь, что это может привести к политическому провалу. Обама взял на вооружение рекомендации: он лишь частично отреагировал на требование Пентагона увеличить военный контингент, пересмотрел стратегию войны в Афганистане, делая упор на борьбу с бандформированиями, а не с террористами, для постепенного выхода из страны, избегая повторения трагедии Вьетнама³⁸. В своих мемуарах Обама пишет, что опасался повторения ошибки Вьетнамской войны, увязнув в длительном и дорогостоящем конфликте без четкой стратегии выхода. Его постоянно трево-

---

³⁶ *Albright M. Madam Secretary: A Memoir. London, 2003. Подробнее см.: Hehir A. Op. cit.*

³⁷ Obama Pressed for Faster Surge. Afghan Review a Marathon: «What Was Interesting Was the Metamorphosis» // *The Washington Post*. 2009. December 6.

³⁸ *A Divided Team* // *The Washington Post*. (n.d.) (<https://www.washingtonpost.com/wp-srv/special/nation/woodward-obamas-wars/graphics/>).

жила тень «плохой» войны в Афганистане, которая была не такой, как была Вторая мировая война.

Необходимо отметить, что широкие исторические сравнения без детального рассмотрения эпизодов прошлого опыта являются частью современного внешнеполитического процесса в США. Обама, например, отмечал, что при принятии решений он сравнивал ситуацию с военной интервенцией США в Афганистане с ситуациями, в которых оказывались президенты А. Линкольн во время Гражданской войны (1861–1865) и Ф.Д. Рузвельт во время Второй мировой войны. Эти исторические аналогии приводили Обаму к мысли о том, что существует значительная разница между экзистенциальными угрозами, требующими полной мобилизации государства и общества, и угрозами, требующими избирательного подхода и четкого понимания целей, которые преследуют США. Он добавляет, что решение по Афганистану не было вопросом «всеобщей решимости, воли, стали и огня. Это было верно для Линкольна, когда он пытался спасти Союз, и для Рузвельта после Перл-Харбора, когда Америка и мир столкнулись со смертельной угрозой со стороны экспансионистских держав»³⁹.

Таковыми же обширными аналогиями оперировал еще один президент США – Д. Трамп. Для него, так же как и для Б. Обамы, аналогии не представляют собой способы решения новых проблем с использованием подходов, тактик или инструментов прошлого. Для Трампа историческая аналогия означает включение своих действий в перечень топовых исторических событий. Когда он оценивал свое решение нанести ракетный удар по Сирии в апреле 2017 г., то упоминал ужасы Первой мировой войны и последующий запрет на химические атаки. Он использовал этот контекст, чтобы осудить Башара Асада, которого, по мнению США, необходимо признать ответственным за использование химического оружия. Таким образом, этот риторический прием не только помог оправдать ракетный удар против Сирии, но и подчеркнул историческую значимость события, поместив его в цепочку исторических свершений. Президент сказал: «После ужасов Первой мировой войны сто лет назад цивилизованные нации объединились, чтобы запретить химическую войну. К концу Первой мировой войны более миллиона человек были убиты или ранены химическим оружием»⁴⁰.

Этот ряд продолжает Дж. Байден. Множество фактов и интервью свидетельствуют о том, что президент, пройдя долгую полити-

---

³⁹ *Obama B. A Promised Land. New York, 2020.*

⁴⁰ *Trump Donald. Statement by President Trump on Syria. April 13, 2018 // The White House (<https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/statement-president-trump-syria/>).*

ческую карьеру, часто прибегал к историческим аналогиям, связанным с Вьетнамом, особенно когда речь заходила о процессе принятия решений относительно Афганистана. Он наблюдал за выводом американских войск из Вьетнама, участвовал в дебатах по Афганистану в 2001 г. в качестве сенатора, проводил часы в ситуационной комнате во время принятия решения президентом Б. Обамой по Афганистану в 2009 г. и, наконец, командовал выводом войск в 2021 г. Хотя у историков пока нет доступа к протоколам заседаний СНБ по этому поводу, существуют публичные заявления президента, в которых он использовал данную историческую аналогию в широком риторическом контексте. Например, будучи вице-президентом, он предостерегал президента Обаму от введения дополнительных войск в Афганистан, указывая на риск столкновения с призраком Вьетнама, не предоставляя детального анализа эпизодов из войны⁴¹.

Президент и его команда были готовы к различным сценариям. Американская пресса с уверенностью заявляла, что Дж. Байден уже «видел этот фильм» в связи с опытом президента по разрешению подобных ситуаций. В июле 2021 г. он заверял публику, что Кабул продержится дольше, чем Сайгон. Байден публично заявил, что нельзя сравнивать ситуацию между Афганистаном и Южным Вьетнамом в контексте временного промежутка между возможным захватом Кабула талибами (участники запрещенного в России террористического движения «Талибан». — *Н.Ц.*) и прошлой историей — приходом северовьетнамской армии в Сайгон. Сайгон, как известно, пал через два года. В июле 2021 г. президент Байден ответил на вопрос журналиста о параллелях между выводом войск из Вьетнама и предстоящим выводом из Афганистана:

«Никаких (параллелей. — *Н.Ц.*). Ноль. То, что было — мы имели целые бригады, прорывающиеся через ворота нашего посольства — шесть, если я не ошибаюсь. Талибы — это не северовьетнамская армия. Они даже отдаленно не сравнимы по способностям. Не будет ни одного случая, когда вы увидите, как люди эвакуируются с крыши посольства США в Афганистане. Это абсолютно несопоставимо»⁴².

Однако аналогия с Южным Вьетнамом подвела президента и его команду. «Талибан» (запрещенное в России движение. — *Н.Ц.*) вернулся в Кабул через несколько месяцев, что оказалось намного быстрее,

---

⁴¹ *Woodward B.* Obama's Wars. New York, 2010; *Idem.* Biden Warned Obama during Afghan War Review not to Get «Locked into Vietnam» // Washington Post. 2010. September 28; *Dorani Sh.* America in Afghanistan: Foreign Policy and Decision Making from Bush to Obama to Trump. London, 2019.

⁴² *Ibidem.*

чем ожидала команда Байдена. Однако задача президента ясна: убедить общественное мнение в том, что все произошло по плану, и негативные параллели с прошлыми событиями не имеют значения.

Исходя из представленного анализа, можно сделать вывод о том, что исторические аналогии используются президентами в двух случаях. В первом случае исторические аналогии применяются для того, чтобы найти опору и тактические решения для текущих проблем и сформировать оптимальные действия. Такие аналогии мы предлагаем называть инструментальными. Президенты и их советники выбирают определенные эпизоды из прошлого опыта, которые наиболее соответствуют текущему кризису. Эти эпизоды могут меняться в зависимости от стадии развития кризиса, с которым сталкивается президент в настоящее время. Наш анализ также показывает, что начиная с Д. Эйзенхауэра советники использовали инструментальные исторические аналогии для решения своих текущих практических задач. Документы свидетельствуют, что исторические аналогии использовались на совещаниях, когда шло детальное планирование военной операции. Исторические аналогии как риторический прием применялись в обращениях к публике только после того, как решение уже было принято.

Анализ документов показывает, что нельзя подтвердить мнение специалистов в области политической психологии о том, что исторические аналогии используются президентом только для упрощения потока информации под влиянием стресса. Мы наблюдаем, что инструментальные исторические аналогии применялись для поиска отдельных подходов решения кризисов, как это делали Л. Джонсон или Дж. Картер. Однако, как только военные операции затягивались или возникали проблемы, исторические аналогии использовались в большей мере окружением президентов для поддержки выбранного курса и стимулирования терпения президента.

Более того, исторические аналогии оказывали негативное влияние на президентов США. Это проявляется в том, что отдельные эпизоды из прошлого создают рамки восприятия текущей ситуации, экстраполируют поведенческие характеристики других государств, исходя из прошлого опыта, и в конечном итоге ограничивают обсуждение новых альтернатив. Выбор отдельных эпизодов прошлого без учета контекста приводит к переоценке восприятия истории, к попаданию в ловушку сходства двух ситуаций и ограничению поиска дипломатических инструментов. Это особенно заметно в примерах внешней политики Дж. Буша-ст. в отношении Ирака и Билла Клинтона в отношении Сербии.

Во втором случае исторические аналогии как риторические приемы президентов используются для убеждения других лидеров присоеди-

ниться к коалиции стран или поддержать их. Президенты не стремятся анализировать подробности прошлых эпизодов или изучать эффективные тактики и подходы, а используют историческую аналогию как опыт, который необходимо повторить, избежать или использовать для убеждения. Очень часто такие аналогии не обсуждаются ближайшим окружением президента в ходе принятия решений. Однако фактом остается следующее наблюдение: исторические сравнения появляются на публике на самой поздней стадии процесса, когда решение уже принято. Когда президенты США обращаются к публичному использованию исторических аналогий, это указывает на то, что решение относительно определенной ситуации уже принято.